

Вторая стадия развития национализма в России

Фонд развития информационной политики (ФРИП) и информационное агентство «Росбалт» провели экспертный опрос «Ксенофобия и радикальный национализм в регионах России». Руководитель экспертной сети ФРИП Ростислав Туровский анализирует результаты этого опроса.

Судя по всему, ксенофобия становится одной из важнейших политических тенденций в развитии нашей страны на обозримую перспективу. Плохо это или хорошо, но это политическая реальность, возникшая в российском обществе в постсоветский период. Причем это — реальность, с которой нельзя «бороться»; ее не стоит уничтожать, действуя «топорными», «полицейскими» методами. Политические проблемы, с которыми сталкивается Россия, имеют вполне очевидные причины социокультурного характера, связанные с развитием нашей государственности после распада СССР. Рано или поздно эти проблемы должны были превратиться в политическую практику, рано или поздно какие-то политические силы должны были выдвинуть лозунги их «окончательного» решения. Это, кстати, неизбежно для демократического государства, пусть даже наша демократия считается изрядно «управляемой».

В настоящее время начинается вторая стадия развития национализма в России. На первой стадии — 1980-90-х гг. — русский национализм был слаб. Русские по-прежнему жили традиционным, многовековым имперским сознанием, видя свою историческую задачу в консолидации огромной полиэтнической территории, в т.ч. ценой отказа от собственного национального государства и собственного национализма. Главный вызов русскому имперскому сознанию исходил с периферии, где, напротив, резко усилился национализм, имевший антироссийскую и антирусскую направленность. Перестроечные процессы, открывшие все клапаны и стимулировавшие развитие всех возможных политических движений, позволили периферийным национализмам стать доминирующим фактором. Их развитие привело в конечном итоге к распаду СССР.

В советское время национальной политике уделялось, как известно, огромное внимание. Советская политика худо-бедно позволяла сохранять межнациональный мир, находила способы нейтрализации или силового подавления национализма, культивировала наднациональную коммунистическую идеологию. Прогрессирующая потеря этой идеологией и всей советской властью легитимности автоматически, как и предсказывали многие ученые, привела к всплеску другой, альтернативной объединяющей идеологии — национализма. В условиях многонационального государства вместо одного объединяющего национализма возникли десятки национализмов, у каждого народа — свой, и со своим «образом врага».

На территории нынешней России в начале 1990-х гг. на первый план тоже вышли националистические настроения на окраинах, а вместе с ними — застарелые межэтнические конфликты. Наряду с развитием антироссийских сепаратистских настроений усилились и конфликты между народами, традиционно проживающими в границах одного или соседних регионов. Особенно активно эти конфликты развивались на Северном Кавказе, где вместе с демократизацией моментально и почти спонтанно вышли на поверхность все межнациональные обиды и претензии. Проблемными с точки зрения этнополитической конфликтности стали тогда многие республики Волго-Уральского региона, Тува, Якутия и др. Обычно конфликтовали русские и титульные народы республик, но было немало конфликтов и в многонациональных республиках между местными народами. Затянутый властными этническими элитами «парад суверенитетов» подлил масла в огонь. Произошел и очевидный подъем националистически настроенной интеллигенции, которая получила возможность открыто говорить все, что она думает.

В то же время национализм российских народов быстро столкнулся с невозможностью реализовать главную цель любого национализма — создание собственного национального государства. Радикально-националистические движения на российских окраинах не имели большой популярности даже в начале 1990-х гг., их сдерживало «советское» сознание большинства российских народов с ценностями дружбы народов и принадлежности к единому великому государству. Запад также отказался поддерживать сепаратистские движения внутри России. Чечня — единственный пример региона, притом с особенно сложными историческими

отношениями с Россией, где сепаратистское националистическое движение на время взяло власть.

Некоторые межэтнические конфликты, конечно, остались и до настоящего времени. Так, до сих пор не разрешен осетино-ингушский конфликт, связанный с конкретной территориальной проблемой – принадлежностью Пригородного района. Надо понимать, что этнические конфликты почти никогда не разрешаются, они возникают с определенной периодичностью в зависимости от конкретно-исторической ситуации, их можно «замораживать», потом они сами «размораживаются». Тем не менее, национализм большинства российских народов сегодня явно на спаде. Свою роль здесь сыграли социально-экономические факторы: большинство национальных регионов одновременно относится к числу наиболее бедных, как Северный Кавказ или Тува. Или они занимают анклавное положение внутри России, как Татарстан и Башкирия. И тем, и другим деваться просто некуда, и текущие проблемы социально-экономического характера быстро уничтожили интерес к националистическим лозунгам. Изменилась и позиция правящих национальных бюрократий, которым выгоднее дружить с федеральным центром, что позволяет им сохранять власть в своих регионах и контролировать немалые экономические ресурсы.

Например, сегодня социологические исследования на Северном Кавказе показывают, что местные жители вовсе не стремятся к выходу из России и, наоборот, обижены на несправедливое отношение со стороны центра. Они вполне позитивно относятся к традиционной роли русских как «старшего брата», рационально понимая, что им нужен внешний арбитр для разрешения собственных межэтнических споров. Им не нравятся рассуждения о «лицах кавказской национальности», не нравится, что российское телевидение изображает Северный Кавказ как территорию, где постоянно происходят взрывы, теракты, где нет и, получается, быть не может ничего хорошего.

После прихода Владимира Путина, после начала решения чеченской проблемы значительно вырос авторитет российской власти, личный авторитет президента. И это не пресловутый административный ресурс, это — искреннее желание жителей Кавказа жить в составе сильной России. Появились и новые экономические интересы, привязывающие этнические периферии к России. Сегодня в России действует немало крупных бизнес-групп кавказского происхождения, по сути они уже являются столичными, федеральными бизнес-группами. То же самое, кстати, типично для ряда российских бизнес-групп, происходящих из Татарстана и, в значительно меньшей степени, Башкирии. Этому бизнесу не нужны мелкие независимые государства, он занят освоением российских просторов, которые дают ему огромные возможности.

Вторая стадия развития национализма в России связана уже с всплеском русского национализма. Разбуженные перестройкой периферийные национализмы уступают место русскому национализму, притом зачастую направленному против населения собственно российских или еще недавно российских периферий.

Стимулом для трансформации национализма в России стали социально-экономические процессы, типичные уже для постсоветской России, для периода постперестройки. Их важнейшей первоосновой являются громадные социально-экономические различия между российскими территориями. Этнические периферии России и бывшего СССР одновременно оказались и экономически слабо развитыми регионами, в особенности на Кавказе и в Центральной Азии. Препрежнее имперское пространство имело свои ярко выраженные и более развитые центры, которые после распада СССР стали привлекать все возрастающий поток мигрантов. При этом миграция получила свою ярко выраженную этническую составляющую.

В результате в современной России возникает ситуация, которая во многом напоминает ситуацию в Европе. Складывается впечатление, что мы вновь с запозданием повторяем то, что Европа уже проходила или уже начала проходить. Русский национализм начала XXI века отчасти начинает напоминать европейский национализм XIX века с его стремлением создать национальные государства на обломках прежних феодальных монархий и империй. Этот национализм – это одновременно и русский сепаратизм, известное, хотя и не столь популярное пока явление. Русский сепаратизм стремится окончательно «освободиться» от бремени многонациональной государственности, расстаться с инокультурными окраинами и построить, наконец, этнически чистое русское государство в логике европейского национализма XIX века (возникал ведь лозунг «на хрена нам Чечня»). Хотя вопрос о создании русского национального государства в сочетании с готовностью расстаться с частью территорий, прежде всего – территорий с мусульманским населением пока серьезно ставится только малочисленными радикалами. Основной тренд все-таки связан с сохранением или даже увеличением нынешней территории, но при этом с усилением «руководящей и направляющей» роли — уже не КПСС, а великого русского народа. В русской версии национализма все-таки традиционное имперское сознание смешивается с «обычным» этническим национализмом.

Еще более важным является сходство политико-экономических процессов, протекающих на европейской и российской территориях. Там более развитые страны привлекают огромный поток иммигрантов,

принадлежащих в основном не к европейской культуре. В рамках российского пространства идет подобный процесс: более развитые регионы принимают все большее количество мигрантов, появляется слой гастарбайтеров. Появляется тема борьбы за рабочие места, за экономические ниши между «местными» и «пришлыми». Эта борьба усиливается на порядок в связи с иноэтническим происхождением приезжих, в основном – выходцев с Кавказа и из Центральной Азии.

В Европе в условиях демократического общества, легко и чутко реагирующего на изменения социально-политического контекста, сразу же возник запрос на партии, выступающие против иммиграции и иммигрантов. Эти партии имеют ярко выраженный праворадикальный и правопопулистский характер, их национализм имеет вполне конкретную – антииммиграционную доминанту и связанный с этим «образ врага». Врага уже не внешнего, а живущего по соседству. «Европейский сценарий» предполагает как создание «специализированных» праворадикальных партий, так и усиление националистической составляющей в программах основных партий, обычно – консервативных.

Тем временем доля инокультурных меньшинств возрастает, в европейских городах идет геттоизация, возникают замкнутые кварталы со смешанным или просто иноэтническим населением. Причем эти кварталы – разновидность бедных периферий с развитой безработицей. По мере развития геттоизации усиливается и поляризация городских сообществ: «белое» население испытывает все больше симпатий к националистическим партиям. Растет и поляризация между партиями по поводу отношения к проблеме. Если правые играют на национализме, то левые нередко начинают рассматривать иноэтнические меньшинства как свой потенциальный электорат, выступая за их ускоренную натурализацию.

Электоральная история европейских стран в последние годы наглядно показывает наличие тенденции, хотя и неустойчивой. Неустойчивость показывает лишь то, что антииммигрантские настроения пока выражены не столь ярко в достаточно толерантном западном обществе, они усиливаются и ослабевают в зависимости от текущей ситуации, от эффективности работы националистических партий и их противников.

Пожалуй, первым ярким примером всплеска националистических настроений в Европе стал успех Австрийской партии свободы Й.Хайдера на выборах 1999 г., когда она получила 26,9% голосов. За успехом, правда, последовал спад – 10% в 2002 г. Зато в Нидерландах в том же 2002 г. на пике популярности оказался «Список Пима Фортейна», набравший 17% голосов (после убийства П.Фортейна список набрал только 5,7% голосов на выборах в 2003 г.). Во Франции давно действует Национальный фронт. Его лидер Ж.-М. Ле Пен все в том же в 2002 г. вырвался на второе место на президентских выборах, набрав 16,9% голосов в первом туре и 17,8% во втором. В Скандинавии налицо похожие тенденции, там популярность правых популистов пока только растет. В Норвегии Партия прогресса получила на выборах 2005 г. 22,1% голосов (по сравнению с 14,7% в 2001 г.). Датская народная партия слабее, но имеет стабильный электорат – 12% в 2001 г. и 13,2% в 2005 г. В Бельгии Фламандский блок является не только организацией фламандских националистов, но и выступает против иммиграции: в 2003 г. за него по Бельгии в целом (где, напомним, есть еще Валлония) голосовали 11,6% избирателей, по сравнению с 9,9% в 1999 г. (9,9%) произошел рост. Более устойчивые двухпартийные системы Германии и Великобритании пока не претерпевают трансформацию в связи с ростом антииммигрантских настроений. Но отдельные «всплески» наблюдаются и там, в частности рост популярности правых радикалов в более бедных восточных землях Германии.

В России велика вероятность того, что по развитию антииммигрантских настроений мы как раз легко сможем «догнать и перегнать» Европу. Там все-таки страны побогаче и, следовательно, больше размер социально-экономических ниш для иммигрантов. У нас эти ниши на самом деле невелики, и конфликт между «своими» и «чужими» начинает разгораться в ситуации, когда число «лиц кавказской национальности» в традиционно русских регионах отнюдь не измеряется миллионами (как это иногда кажется, или изображается падкими до сенсаций журналистами). Да и традиции толерантности в последние годы как-то стерлись. Не будем забывать, что конкуренция «славянских» и «этнических» преступных группировок в российских городах восходит к советским временам. Тогда ведь и начался выезд населения с южных окраин империи на заработки в центр и даже в Сибирь, развивалось отходничество, возникали в зародыше нынешние этнические общины в российских городах (с которыми, кстати, связано меньше проблем, чем с вновь прибывшими).

Российская перепись 2002 г. продемонстрировала заметные сдвиги в расселении народов – выходцев с Кавказа и из Центральной Азии. Притом в переписи речь идет только о натурализовавшейся их части, что касается остальных, а их большинство, но точной статистики нет. Поэтому данные переписи просто показывают тенденцию.

Главные проблемные зоны очевидны и полностью совпадают с «западными образцами». Это прежде всего – мегаполисы, куда и едут на заработки жители бедных окраин. Перепись зафиксировала наличие в Москве

более 120 тыс. армян, почти 100 тыс. азербайджанцев, более 50 тыс. грузин, почти 15 тыс. чеченцев. Что касается выходцев из Центральной Азии, то таджиков оказалось более 35 тыс., узбеков – почти 25 тыс. Именно в Москве сложились наиболее крупные в России грузинская, таджикская и узбекская общины. Повторимся, эти данные не включают граждан соответствующих государств, тех, кто находится в Москве на временных заработках и пр. Интересно и характерно появление именно в Москве наиболее крупных диаспор совсем уж нетипичных для России народов – более 15 тыс. вьетнамцев, почти 13 тыс. китайцев, почти 6 тыс. пуштунов. В целом присутствие меньшинств в столице России оказывается весьма и весьма заметным. Похожая ситуация складывается в Петербурге, хотя там цифры не столь велики. Из тех, кто прошел перепись, заметны прежде всего выходцы из Закавказья: почти 20 тыс. армян, более 16 тыс. азербайджанцев и около 10 тыс. грузин. Геттоизация меньшинств в российских городах тоже постепенно начинается, что, очевидно, связано с семейно-клановыми особенностями иммиграции, стремлением жить вместе и компактно. Во многих городах появляются «этнические» поселки.

Второй проблемной зоной является Юг, на который приходится значительная часть миграции из российских республик Северного Кавказа и из Закавказья. По данным переписи, доля армян в Краснодарском и Ставропольском краях уже превысила 5%. В Ставропольский край активно переселяются из Дагестана даргинцы (их численность в этом регионе превысила 40 тыс.). Растут чеченские общины, которые превышают 10 тыс. в том же Ставрополье, Ростовской, Астраханской, Волгоградской областях. Трения появляются не только между чеченцами и русскими. Известно, что серьезная напряженность в межнациональных отношениях проявляется время от времени в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, где также велико чеченское население.

Проблемы усиливаются и на Дальнем Востоке, где идет свой специфический процесс – китайская миграция. Этот процесс пока не фиксируется в переписях, поскольку китайцы сохраняют свое «родное» гражданство. Почти 40% собственно российских китайцев живут не на Дальнем Востоке, а в Москве. Хотя общины численностью почти 4 тыс. чел каждая имеются в Приморском и Хабаровском краях. В то же время число китайцев, работающих в России, занимающихся торговлей, весьма велико, прежде всего – на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, от Владивостока до Иркутска.

Потенциально конфликтное пространство на самом деле может быть и гораздо больше. Постепенно пусть небольшие, но все же общины кавказского или среднеазиатского происхождения появляются в русской глубинке, в регионах Центральной России. Плотность населения здесь невелика, сельское население вымирает и спивается, и для иммигрантов существуют неплохие ниши, которые они постепенно и заполняют. Известно немало случаев, когда в казалось бы самых обычных сельских районах выходцы с Кавказа занимают ключевые позиции в экономике, возглавляют аграрные предприятия и муниципальные администрации. Это становится естественным, но и вызывает недовольство части населения.

Важно, что общественное мнение уже воспринимает происходящие миграционные процессы и рост полиэтничности мегаполисов и традиционно русских земель как политическую проблему. Одна из общераспространенных местных проблем, которую называют на фокус-группах буквально везде, это – «засилье кавказцев на рынках». Причем многие русские воспринимают это не как нормальное «разделение труда», а именно как проблему.

Итак, в России рождается свой спрос на партии, эксплуатирующие антикавказские, античеченские, антитаджикские и другие «анти-» настроения. На этот спрос ранее реагировала ЛДПР, которая не случайно пользовалась повышенной популярностью в «прифронтовых» зонах типа Ставропольского края или расположенной на границе с Китаем Читинской областью. Сейчас разыграть эту карту стремится «Родина», причем сделав это там, где спрос растет особенно быстро – в крупных городах. Аналогии с Францией в наделавшем шуму видеоролике тоже характерны: здесь-то наше проблемное поле начинает пересекаться с европейским, причем именно в столицах и других крупных городах. Кстати, как показали выборы 2003 г., «Родина» имеет более прочные позиции в больших городах, где как раз усиливается этническая поляризация. Все прекрасно сходится.

Нынешняя ситуация выглядит противоречивой. С одной стороны русский национализм остается преимущественно бытовым и не переходит на уровень конкретных политических требований. Радикальные группировки, те же скинхеды, малочисленны, их поддержка бесконечно далека от массовой. Отсюда и кажущееся внешнее спокойствие, которое, впрочем, не раз обманывало российских наблюдателей. С другой стороны политическая тенденция вполне объективна и заложена на многие годы вперед, пусть даже это сравнительно латентный, а не воинствующий (пока?) русский национализм. Антикавказские настроения части русского населения весьма прочны, они будут только усиливаться на фоне миграционных процессов и тем более на фоне продолжающегося укрепления позиций «кавказского» бизнеса в России. Когда-то ведь и

малочисленные евреи вызывали раздражение именно как успешные бизнесмены, причем напряженность усиливалась параллельно укреплению их командных позиций в бизнесе.

Ясно, что проблема ксенофобии найдет свое отражение в повседневной политической активности, поскольку речь идет о серьезном и усиливающемся расколе в обществе на «своих» и «чужих». А значит, будут партии, которые станут разыгрывать антииммиграционную, а по сути антикавказскую карту. В Москве это уже попробовала сделать «Родина», и попытка явно не последняя. Будут и партии, стремящиеся привлечь меньшинства на свою сторону. Любопытно, что КПРФ в московской кампании публично и жестко дистанцировалась от «Родины», подыграв как раз национальным диаспорам. Будут попытки властей подавить национализм, обвиняя его носителей в разжигании межнациональной розни. Будет и обратный эффект от этих попыток – радикализация национализма и привлечение к его носителям симпатий части населения.

Возможно, власти задумаются о необходимости разработки специальной программы, направленной на управление миграционными процессами. Такая программа, кстати, могла бы быть эффективной, если понимать под ней не систему запретов, а тщательный мониторинг ситуации, превентивное разрешение назревающих конфликтных ситуаций, аккуратное недопущение потенциально конфликтной концентрации меньшинств и формирования их гетто, психологическую адаптацию мигрантов к новой среде, введение норм политкорректности по аналогии с западными. Конфликт между «местными» и «пришлыми» постепенно превращается в один из основных в России, и назревающие проблемы требуют немедленных превентивных мер.

Автор: Ростислав Туровский © Росбалт ОБЩЕСТВО, ИРКУТСК 👁 2039 13.12.2005, 20:03 📄 144

URL: <https://babr24.com/?ADE=26558> Bytes: 21094 / 21094 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)